

ФЕНОМЕН ОСТРОГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА ЭРМАНАРИХА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 января 2014 г.

Аннотация: статья посвящена историографическому анализу феномена остроготского королевства Эрманариха в советской исторической науке. Археологические исследования черняховской культуры продемонстрировали исчерпанность взгляда на королевство Эрманариха как на своего рода историографический миф в русле концепции Б. А. Рыбакова – В. П. Будановой и подготовили качественный скачок для последующей разработки готской проблемы.

Ключевые слова: готы, славяне, венецы, анты, черняховская культура, государство Эрманариха.

Abstract: the article is dedicated to historiographical analysis of the Ermanaric's Ostrogothic kingdom in the Soviet historical science. Archaeological studies of the Chernyakhov culture shown that the Ermanaric's kingdom should not be regarded as a kind of historiographical myth in the tideway of Rybakov-Budanova approach and prepared a quantum leap for further development of the Gothic problems.

Key words: Goths, Slavs, Veneti, Antes, Chernyakhov culture, kingdom of Ermanaric.

Остроготское королевство Эрманариха (333–375) оставило глубокий след не только в европейской, но и в отечественной историографии. Если историческая наука в исследовании готской проблематики в России до 1917 г. была частью международного научного сообщества, то с рубежа 1920–1930-х гг. советская наука встала на свой собственный путь ее изучения, который ознаменовался появлением новых подходов и привлечением нового круга источников. В 1920-е гг. еще продолжали публиковаться работы, написанные в традиционном русле с опорой на одни нарративные источники. В начале 1920-х гг. выходит монографическое исследование А. А. Васильева, посвященное истории крымских готов, написанное исключительно на основе анализа письменных источников [1, с. 265–344]. По его мнению, в IV в. большая часть Крымского полуострова уже находилась в руках готов, в том числе Боспорское царство [там же, с. 1, 23–24]. Васильев подробно рассмотрел вопрос о распространении христианства среди готов, проводниками которого могли быть пленные христиане, привезенные из морских походов во время «Скифских войн» [там же, с. 2–22]. Как дань старой германской историографической традиции можно рассматривать оценку «державы» Эрманариха археологом А. В. Шмидтом, который писал о «готском протекторате» в Прикамье [2, S. 18–50]. Немало внимания уделил готам в своей книге профессор

Московского университета Ю. В. Готье [3]. В оценке труда Иордана как исторического источника он исходил из того, что готское предание о царстве Эрманариха, который якобы властвовал над многочисленными народами, почти не находит признания в современной науке. При определении характера Остроготского государства Эрманариха Готье впервые прибег к аналогии со Скифской державой, гораздо лучше известной по письменным источникам. Опираясь на исторические прецеденты, он утверждал, что готы собирали подати с подвластных им народов, требовали вспомогательных войск, водили сарматов и славян за собою в походы [там же, с. 40].

Если работы А. А. Васильева и Ю. В. Готье еще продолжали и развивали традиции изучения готской проблематики, заложенные российскими историками в начале XX в., то с рубежа 1920–1930-х гг. в нашей стране появляется новое направление как результат зарождения советской археологической науки, базирующейся на марксистском понимании истории. Это была определенная реакция наших ученых на миграционистские теории, отводившие германцам, в том числе и готам, особую роль в истории. С этого времени готская проблема вышла за рамки академической науки и стала важным фактором идеологической борьбы против притязаний нацистской Германии на славянские земли Восточной Европы [4, с. 35].

В нашей стране данное направление взяло на вооружение «новое учение о языке» Н. Я. Марра, бывшего тогда директором ГАИМКа [5, с. 115–142].

У его последователей оно развилось в стадиальную теорию, которая стала своего рода «Библией» для первого поколения советских историков и археологов [6, с. 261–278]. В этой теории важное значение придавалось «готской стадии» в развитии языков и народов Восточной Европы [7, с. 445–453]. Поэтому готская проблематика приобрела особую актуальность для советских ученых рубежа 20–30-х гг. прошлого века.

Инициатором ее изучения на новый советский лад стал один из лидеров марксистской советской археологии В. И. Равдоникас [8, с. 193–215]. В 1929 г. он опубликовал программную статью [9, с. 290–295], а в 1932 г. обстоятельный очерк о готах в Крыму в «Известиях ГАИМК», далеко не случайно имевших специальный подзаголовок «Готский сборник» [10, с. 5–105]. С конца 1930 г. Равдоникас возглавил специально созданную «Готскую группу» в составе сектора Архаической формации ГАИМК [11, с. 249–251]. Главной целью работ группа ставила «тщательный пересмотр готского вопроса заново», с помощью комплексного изучения всех материалов с упором на реконструкцию социально-хозяйственных отношений в русле теории стадиальности Н. Я. Марра. Равдоникас не без оснований утверждал, что «никто из археологов никогда не поставил вопроса, насколько компиляции Иордана во всем соответствующей действительности» [10, с. 5–105]. Наряду с критикой ученый попытался изложить новое видение готской проблемы с позиций марксистской исторической науки. Будучи археологом советской формации, для достижения поставленной цели он сформулировал задачу исследования поселений и могильников как целостного культурного комплекса для реконструкции общества крымских готов [там же, с. 40, 90–91]. В противовес миграционистской идее он утверждал, что, в отличие от исторических готов Западной Европы, причерноморские готы «автохтонно и стадиально» образовались из ранее бывших здесь племен путем скрещивания в период возникновения феодализма [там же, с. 87].

Однако эту концепцию «Готской группы» так и не удалось воплотить в жизнь. Начиная с 1932 г. упоминания о ней отсутствуют, что было связано с арестами ученых и их обвинениями в шпионаже в пользу Германии [11, с. 250–251]. Видимо, под их впечатлением В. И. Равдоникас навсегда отказался от намерений продолжать изучение готской проблемы. Несмотря на ликвидацию «Готской группы» в 1930-х гг., сохранялась оценка готов в истории нашей страны, данная Равдоникасом и его сторонниками. С этого времени в советской науке утвердилось представление о готах как весьма примитивном племенном союзе [12, с. 319–337; 13, с. 73–80; 14, с. 72], нередко они оценивались просто как варвары [15, с. 35]. Эти

почти обязательные «клише» оказали существенное влияние на развитие отечественного готоведения, а их отголоски ощущаются и по сей день [16, с. 104]. Лишь М. И. Артамонов тогда попытался привлечь свидетельства византийских историков о Готском царстве Эрманариха [17, с. 5], но сразу же был обвинен А. П. Смирновым в некритическом использовании источников [18].

В 1939–1940 гг. заведующий сектором славяно-русской археологии Института археологии АН УССР В. П. Петров возглавил работы по изучению культуры «полей погребений» на Украине, как тогда называли черняховскую культуру. Этот проект получил государственную поддержку, так как к тому времени советское руководство уже осознало идеологическое значение археологии и посчитало необходимым ответить на пропагандистские атаки нацистской Германии работами археологов, которые были просто обязаны доказать славянство зарубинецкой и черняховской культур [19]. Но завершить его так и не удалось в связи с началом Великой Отечественной войны.

В первые послевоенные годы, ознаменовавшиеся подъемом патриотической волны, а затем компанией против космополитизма, в СССР возобладала идея «чистого славянства» черняховской культуры. Иного, наверное, и не могло быть, так как в те годы в сознании советских людей готы ассоциировались с германцами, а последние – с немецко-фашистскими захватчиками. Для обоснования славянской (антской) концепции черняховской культуры много сделал Б. А. Рыбаков, до конца жизни остававшийся убежденным сторонником ее славянской принадлежности [12, с. 319–337; 20, с. 46–70; 21, с. 95–96, 100]. Именно тогда утверждается широкая датировка памятников черняховской культуры в пределах II–VII вв., позволившая синхронизировать их не с германцами-готами III–IV вв., а с антами Иордана и Прокопия или «росами» Захария Ритора VI в. [4, с. 36]. Позднее с легкой руки Б. А. Рыбакова она стала именоваться культурой «бесчисленных племен антов» [22, с. 3].

Для советских ученых 1930 – начала 1950-х гг. весьма типично отношение к Иордану П. Н. Третьякова, считавшего, что готский историк распространил владычество Эрманариха в Восточной Европе настолько, насколько ему позволяли его собственные географические познания [23, с. 146]. А. М. Ременников по этому поводу писал, что «надуманные схемы о какой-то готской монархии не имеют под собой абсолютно никакой почвы» [24, с. 42]. Сведения Иордана о готских завоеваниях и готских королях он считал вымыслом.

В работах советских историков и археологов первого послевоенного десятилетия по-прежнему превалировал взгляд на готскую проблему, утвердив-

шийся в начале 1930-х гг. [13, с. 73–80]. Однако, как сейчас становится всё более очевидным, смягчение с началом «хрущевской оттепели» идеологического пресса в целом положительно сказалось на изучении этой проблематики. В 1950–1960-е гг. в отечественной науке происходят события, которые существенно изменяют сложившуюся ситуацию.

Здесь, прежде всего, нужно назвать научный подвиг Е. Ч. Скржинской, издавшей полный перевод «Гетики» Иордана на русском языке [25]. Публикацию открывает ее большая вводная статья, обобщившая результаты изучения этого важнейшего источника и личности самого историка в науке XIX – первой половины XX в. [там же, с. 11–61]. Скржинская разработала подробный комментарий к «Гетике», не имеющий аналогов в европейской науке [там же, с. 185–364]. Она признала историческую реальность государства Германариха, но при этом отметила его недолговечность [26, с. 265]. Скржинская поставила важный вопрос о необходимости анализа «Гетики» в комплексе с независимыми данными археологических изысканий. С момента публикации «Гетика» стала настольной книгой отечественных ученых, занимавшихся готской проблемой [27, с. 304].

Существенные сдвиги в изучении интересующей нас проблематики во второй половине 50-х гг. XX в. происходят и в отечественной археологии. Причем, как это ни парадоксально, они во многом оказались побочным результатом разработки официальной «славянской» концепции черняховской культуры. Именно это обстоятельство стало главной побудительной причиной к проведению массовых раскопок черняховских памятников в 1950–1960-е гг. В годы «хрущевской оттепели» иной становилась и научная атмосфера – неприятие германского элемента в культурах юга Восточной Европы уже не было столь однозначным, как в первые послевоенные годы [16, с. 128].

Поэтому в 1957 г. в Киеве было проведено совещание по проблемам черняховской культуры и ее роли в истории ранних славян [28, с. 13–19]. На нем возникли серьезные разногласия по вопросу об этнической принадлежности ее носителей. Одни исследователи (М. Ю. Брайчевский, В. П. Петров, Б. А. Рыбаков, Э. А. Сымонович и др.) придерживались традиционного для советской науки подхода: черняховская культура отражает определенный этап формирования восточных славян и никакого отношения к готам не имеет. Другие ученые (Ю. В. Кухаренко, Э. А. Рикман, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков) видели в древностях черняховского типа культуру смешанного населения, среди которого присутствовали германцы, славяне, скифы, сарматы, фракийцы. И лишь один М. И. Артамонов вполне определенно высказался тогда в пользу готской принадлежности черняховской культуры. Его главный аргумент состо-

ял в том, что хронологически и территориально она соответствует известному по письменным сведениям Готскому царству [29]. Он допускал, что помимо готов среди его населения были сармато-аланы, геты и даки, балты и славяне [там же, с. 3–6]. Но в отличие от других советских археологов М. И. Артамонов максимально сместил акцент в сторону готов и других восточногерманских племен, которым он отводил решающую роль в исторических процессах, завершившихся созданием черняховской культуры. Следует обратить внимание на то, что в отличие от большинства отечественных археологов М. И. Артамонов не усматривал какой-либо ее связи с достоверно славянскими раннесредневековыми культурами [30, с. 46–50]. Таких взглядов исследователь придерживался до конца жизни [31, с. 271–290].

Киевское совещание и разгоревшаяся на нем дискуссия позитивно повлияли на дальнейшее изучение готской проблемы в советской науке. Потребовалось не менее десятилетия для того, чтобы взгляды сторонников той или иной концепции приобрели более заверченный вид. В 1967 г. во Львове, а затем в 1981 г. в Каменец-Подольске [32, с. 92–97] были проведены еще два совещания по черняховской проблематике. Они показали еще большее размежевание взглядов советских ученых в вопросе об этнической принадлежности черняховской культуры.

В 1960–1970 гг. увидели свет первые монографические публикации черняховских памятников в рамках отдельных регионов или всей культуры [33–38]. Начали изучаться не только отдельные поселения и некрополи, но и целые микрорайоны этой культуры, что открывало новые перспективы для исследования социально-экономического строя отставившего ее населения. М. А. Тихановой был поставлен вопрос о локальных вариантах черняховской культуры [39, с. 190]. Были получены данные о площади черняховских поселений и их планировке, типах и размерах жилищ, в том числе так называемые «большие дома», явно не имевшие истоков в местных домостроительных традициях [40, с. 154–164; 41, с. 302–328; 42, с. 121–138; 43, с. 180–183]. Под давлением фактов в 1950–60-е гг. большинство советских археологов отказалось от искусственно завышенной ее датировки, ограничив время ее существования III–IV вв.

В те годы были изданы итоговые исследования, содержащие попытки осмысления интересующей нас проблемы на новых материалах, а главное – уже на несколько иной методологической основе, нежели в 1930–1940-х гг. В 1960 г. Е. В. Махно опубликовала первую сводную карту памятников черняховской культуры, позволившую в основных чертах определить ее ареал [44, с. 9–83]. Социально-экономические основы жизни черняховского населения были детально изучены в монографии М. Ю. Брайчевского [45].

Исследователь не признавал присутствия готов среди племен лесостепной черняховской культуры. Позже он разработал альтернативную концепцию «антского царства» [46; 47, с. 391–436], которое, как и Готское королевство, представляло собой классический образец варварских государств, когда осуществлялся переход от первобытнообщинного строя к феодализму с отчетливыми признаками рабовладения. Он рассматривал черняховскую культуру в качестве одной из цивилизаций-сателлитов Римской Империи [48, с. 15].

В книге В. П. Петрова, посвященной этногенезу славян, обращалось внимание на черты универсализма в черняховской культуре [49]. Отдавая дань старой советской традиции, исследователь оговаривался, что процесс становления черняховской культуры происходил независимо от появления готов в Причерноморье. Тезису об их господстве он противопоставлял список покоренных Германарихом народов, в котором не упомянуты анты, а также свидетельство Иордана, в котором нет указаний на сколько-нибудь длительное господство готов, что могло бы быть условием для создания культуры элитной верхушки [там же, с. 212]. По этой причине черняховскую культуру он также считал антской. Но при этом В. П. Петров обнаружил в Черняхове столь много римских влияний, что предложил рассматривать эту культуру как своего рода варварскую модификацию античной цивилизации.

П. Н. Третьяков считал вопрос о готах и их варварском государстве на Черноморском побережье одной из наиболее темных тем древней истории Восточной Европы. В его исследованиях причудливо сочетались устоявшиеся «клише» советской археологии 1930–1940-х гг., существенно принижавшие историческую роль готов, и подлинно новаторские идеи, родившиеся в процессе профессионального осмысления нового археологического материала [23]. Под давлением фактов исследователь со временем вынужден был признать, что готы оказались во главе сильного варварского государства, объединившего различные племена на значительных пространствах [50, с. 43–52]. Он дал детальную оценку уровня социально-экономического развития населения черняховской культуры [51, с. 23]. П. Н. Третьяков считал, что черняховская культура, прежде всего, являлась продуктом провинциально-римского ремесла и торговли [50, с. 177]. При этом ее население он охарактеризовал как «несложившуюся народность», процесс консолидации которой из разнотнических элементов был прерван на самых начальных стадиях вторжением гуннов [52, с. 18–22].

Исследователь археологических памятников Днестро-Дунайского региона Э. А. Рикман не согласился с мнением П. Н. Третьякова о формировании в рамках черняховской культуры единой народности

[38, с. 332]. Он обратил внимание на сообщение Аммиана Марцеллина о том, что готы, устремляясь в битву, «издавали шум на различных языках». Исследователь выступил в поддержку концепции полиэтничности черняховской культуры. На его взгляд, в III–IV вв. в Поднестровье сложился готский племенной союз, в период существования которого происходило оформление черняховской культуры. Он обратил внимание на распространение на поселениях черняховцев наземных «больших домов», типичных для германских племен, что явилось наглядным результатом их вклада в формирование этой культуры [там же, с. 323–326].

В 1960-е – начале 1970-х гг. выходят исследования В. В. Кропоткина, посвященные находкам римских монет и римского импорта на территории черняховской культуры [53–55]. Составленные им своды имели большое значение для понимания уровня экономического развития и денежного обращения в черняховском обществе, характера его торговых связей с Империей.

Как уже указывалось, Б. А. Рыбаков еще с конца 1930-х гг. неоднократно излагал свои взгляды на готскую проблему в связи с занимавшим его вопросом этногенеза и ранней историей славянства. В завершённом виде его концепция наиболее полно представлена в книге «Язычество Древней Руси», где немало страниц посвящено готам и «державе» Германариха [56, с. 25–38]. Академик принципиально не доверял описанию «державы» Германариха у Иордана. Он утверждал, что готы занимали лишь неширокую прибрежную полосу в Причерноморье и Приазовье. При этом он считал, что пространство между Днестром и Днепром не было заселено готами; этот промежуток принадлежал древним славянам-антам [там же, с. 26–27]. Правда, его ссылка на сообщение Иордана (Get., 35), упомянувшего антов на пространстве от «Данастра до Данапра», явно страдает анахронизмом, так как оно относится ко времени жизни Иордана, когда готов в этом районе давно уже не было.

Б. А. Рыбаков одним из первых отечественных исследований обратился к анализу списка «северных народов» у Иордана. На его взгляд, сам по себе этот источник не имеет никакого отношения к готской империи Германариха, а значит, не может указывать на ее размеры [там же, с. 29–38]. Исследователь акцентировал внимание на том, что в перечне Иордана не упоминается ни один народ, с которым реальные готы совершали совместные походы, а вместо этого поставлены такие народы, имена которых ни в каких достоверных источниках больше не встречаются. Но это легко объяснимо, так как Иордан приводит сведения не времени «Готских войн» III в., а эпохи Эрманариха (IV в.).

Б. А. Рыбаков неоднократно выражал свою точку зрения по вопросу об этнической принадлежности черняховской культуры. Он выделил в ней две зоны: северную лесостепную и южную прибрежную. Первая область черняховской культуры, по его мнению, не только не была населена готами, но и не принадлежала им [там же, с. 28, 37–38]. Только вторую, причерноморскую зону он считал допустимым связывать с гревтунгами-остроготами [57, с. 41–46; 58, с. 6]. Здесь надо напомнить, что на многих лесостепных черняховских памятниках, например, в известном биритуальном могильнике Компанийцы, присутствуют характерные восточногерманские элементы. Итоговое заключение Б. А. Рыбакова о «державе» Германариха по существу сводится к ее негативной оценке. Кажется, он совсем не случайно назвал остроготского короля готским конунгом, хотя источники однозначно именуют его риксом [59, с. 197–207]. Ученый ограничил его владения небольшими областями в Приазовье и на Нижнем Днепре [56, с. 37]. В отечественной историографии книга Б. А. Рыбакова была последним крупным исследованием, где весьма односторонне интерпретировались данные Иордана о королевстве Эрманариха.

Сторонником полиэтничной концепции черняховской культуры всегда оставался В. В. Седов [60, с. 92; 61, с. 288–289]. Он признавал, что в IV в. именно готы создали на юге Восточной Европы государственное образование во главе с Германарихом, который подчинил себе многие другие народы. Ученый полагал, что черняховская культура во многом была результатом провинциально-римской ремесленной деятельности. Он считал ее провинциально-римским образованием с полиэтничным населением [62, с. 17–20]. По его мнению, основную его массу составляли потомки местных ираноязычных племен и славяне, заселявшие Днепровско-Подольский регион. Отсюда его гипотеза о черняховской культуре как зоне преимущественно славяно-иранского симбиоза, конечным результатом которого стало появление славяно-антов [60, с. 78–100; 63, с. 164–173; 64, с. 150–198]. В последних работах В. В. Седов, как ранее М. Ю. Брайчевский, склонялся к гипотезе, что, возможно, антами было создано предгосударственное политическое объединение, типологически сопоставимое с готской «державой» [64, с. 194]. Надо заметить, что эта смелая гипотеза не нашла подтверждения в исторических источниках, да и анты впервые упоминаются в связи с событиями сразу после падения «державы» Эрманариха (Get., 246–247).

В 70–80-е гг. XX в. в отечественной науке продолжались дискуссии на тему «черняховская культура и готы». Свообразным катализатором их возобновления послужили раскопки на Волини и в Запад-

ной Беларуси памятников вельбарской (поморско-мазовецкой или гото-гепидской) культуры, ранее известных лишь на территории Польши. Здесь, прежде всего, надо назвать открытие Ю. В. Кухаренко могильника Брест-Тришин, которое объективно показало, с какой культурой готы пришли в Северное Причерноморье [65]. М. А. Тиханова окончательно склонилась к мысли о гото-гепидском происхождении черняховской культуры [66, с. 89–94]. К 1980-м гг. завершаются исследования, посвященные анализу локальных вариантов черняховской культуры [67–70]. К этому времени увидели свет труды по экономике и культуре черняховского общества: металлургии [71], гончарству [72], украшениям [73]. Были систематизированы погребальные обряды [74–76]. Эти исследования знаменовали превращение черняховских археологических памятников в первоклассный исторический источник.

С конца 1960-х гг. выходят в свет первые публикации М. Б. Щукина по черняховской тематике, в следующие десятилетия ставшего лидером ее изучения в отечественной науке [77, с. 8–13; 78, с. 41–51; 79; 80, с. 79–91; 81, с. 17–22]. Далекое не случайно большинство из них были посвящены вопросам хронологии черняховской культуры, так как именно в этом направлении талантливый ленинградский археолог прозорливо увидел перспективы дальнейшего исследования готской проблемы. В вопросе изучения происхождения черняховской культуры М. Б. Щукин развивал идеи М. И. Артамонова, М. А. Тихановой и Ю. В. Кухаренко. Ему удалось убедительно показать этнокультурные истоки отдельных локальных вариантов черняховской культуры в виде так называемых «генетических секвенций» [82, с. 66–89].

В 1980-е гг. помимо работ археологов вновь появляются исследования по готской проблематике, выполненные на основе анализа письменных и лингвистических источников. А. Р. Корсунский и антиковед из ГДР Р. Гюнтер в своей книге не обошли стороной и вопрос об остроготах Эрманариха, хотя их больше интересовали везиготы Атанариха [83]. Соавторы пришли к заключению, что готское общество в IV в. достигло высокого уровня социального развития, возможного при родо-племенном строе, но это не означало еще появления государства [там же, с. 30–34]. Не менее важным представляется анализ социального строя вестготов, проведенный А. Р. Корсунским [84, с. 54–74]. Сторонником отождествления черняховской культуры и государства Эрманариха был известный ленинградский археолог Г. С. Лебедев [85, с. 165–166; 86, с. 79–99]. Хорошее знание скандинавских материалов, в том числе и героических саг, позволило ему высказать ряд весьма интересных суждений. В перечне «северных народов» у Иордана

Г. С. Лебедев усмотрел латинский перевод готской героической песни и даже попытался реконструировать ее форму [85, с. 166].

Идею археологов о готской принадлежности черняховской культуры развил крупнейший российский лингвист В. Н. Топоров [87, с. 227–263]. Для ее подтверждения он напомнил о серии рунических готских надписей, найденных на черняховских памятниках, а также привел некоторые гидронимические данные и лексические заимствования из готского в праславянском [там же, с. 234–235, 246–249]. По убеждению Топорова, с готами было связано первое в Причерноморье предгосударственное объединение – «империя» Эрманариха [там же, с. 232]. По его словам, готы были первыми из германских племен, кто охотно, довольно быстро и плодотворно стал осваивать античную культуру. Топоров поддержал идею русских дореволюционных фольклористов о возможном вкладе готских героических песен в формирование древнеславянской «предбылины» [там же, с. 252–253].

Статья Топорова еще раз показала неисчерпаемость темы древних германцев в Причерноморье. Сразу же она вызвала резкую критику со стороны академика Б. А. Рыбакова и В. П. Будановой. Б. А. Рыбаков со свойственной ему безапелляционностью отнес Топорова к числу тех ученых, которые «по непонятной доверчивости... восприняли эту державу Германариха как историческую реальность конца IV в.» [56, с. 29–30]. Идеи Топорова подвергла критике и В. П. Буданова. В 1980-х гг. выходит в свет серия ее публикаций о готах в Северном Причерноморье, завершившаяся изданием книги – первого монографического исследования по готской проблеме в советской исторической науке [88]. В ней собраны и проанализированы практически все данные позднеантичной традиции об остроготах-гревтунах и везиготах-тервингах. Само понятие «государство Эрманариха» исследовательница считала крайне неопределенным из-за отсутствия конкретности в источниках. Под ним она понимала существование в Северном Причерноморье в IV в. союза племен, власть в котором была сосредоточена в руках готских вождей [там же, с. 121, 158]. Эту дефиницию вряд ли сейчас можно признать удачной. Аммиан Марцеллин, а позже и Иордан знают в Причерноморье IV в. лишь *regnum* Эрманариха и ни разу не упоминают о каком-либо «союзе племен». Между двумя этими понятиями – большая разница, так или иначе отражающая сам механизм возникновения ранних потестарных образований [59].

И в обсуждаемой книге, и в последнем обобщающем исследовании [89, с. 80, 205] Эрманарих, как ранее у Б. А. Рыбакова, бесосновательно именуется «готским конунгом», возглавившим союз племен. На

наш взгляд, употребление этого средневекового титула (др.-норв. *konungr*) в отношении готского правителя IV в. представляется неоправданным хотя бы потому, что этого слова не знает готский язык [90, с. 66]. Предводителя такого ранга готы, скорее всего, называли *kindins* (глава *куни* – «племени» или «рода») [91, с. 71, 88, 201, 207]. Для римлян же Эрманарих был определенно *rex*, а для готов – *reiks* [92, S. 110]. Напомним, что эта титулатура отражена в распространившейся у готской аристократии моде на имена, заканчивавшиеся на *-rix* [93, с. 170], включая и имя последнего остроготского короля.

По мнению В. П. Будановой, к появлению готов автохтонное население Восточной Европы в отличие от Империи отнеслось в целом спокойно. Она не соглашается с теми учеными, которые считают, что продвижение готов с севера на юг сопровождалось истреблением или подчинением встречавшихся на их пути племен, так как это не находит в письменных источниках ни прямого, ни косвенного подтверждения [88, с. 158]. Между тем археологические источники весьма красноречиво свидетельствуют об обратном. На зарубинецко-пшеворских поселениях Западной Волыни появляются слои с вельбарскими материалами [94, с. 326]. В середине III в. разгрому подвергся Танаис, при этом в слое разрушения обнаружены характерные детали германского вооружения (умбоны щитов типа Конин и Хоруля ступени C1a) [95, с. 174]. Одновременно в дельте Дона основываются поселения типа Рогожкино–XII с характерным керамическим набором. К этому времени прекращается жизнь позднескифских городищ на Нижнем Днепре и в Крыму. В их верхних слоях найдены останки последних непогребенных защитников [96, с. 200–202]. Но главное даже не в этом – в III в. весьма радикально изменяется культура разноплеменного населения Восточной Европы от Карпат до Дона – к концу века она приобретает в той или иной степени выраженный вельбарско-черняховский облик при сохранении некоторых субстратных черт. Этот археологический феномен совпадает со временем появления в Восточной Европе готов и других восточных германцев, а также с последующей эпохой «Готских» или «Скифских» войн.

В. П. Буданова не исключает исторической реальности короля остроготов Эрманариха. По ее мнению, «государство Эрманариха» существовало в 350–376 гг. Но где жили эти готы – не известно [88, с. 135]. Итоговый вывод Будановой звучит весьма пессимистично: «традиционная концепция «государства Эрманариха» уже не может быть признана адекватной комплексу свидетельств древних авторов об этом «государстве». В то же время современная источниковая база еще не позволяет построить качественно новую и вполне доказуемую концепцию [там же, с. 136].

Если исходить из данных лишь письменных источников, то с определенными поправками с этой весьма строгой оценкой и можно было бы согласиться. Тем более что пополнения корпуса нарративных источников по истории государства Эрманариха явно не предвидится, а значит, и надежды на построение ожидаемой новой концепции весьма близки нулю. Однако быстро увеличивающийся фонд археологических источников по истории Восточной Европы IV в. с каждым годом внушает всё больший оптимизм. С одной стороны, В. П. Буданова признает, что, в отличие от письменных, это практически неисчерпаемый фонд источников, позволяющий «обеспечить историческому исследованию более материализованный характер» [там же, с. 19]. С другой стороны, она оставляет его в стороне, предпочитая оперировать ссылками на разновременную, часто устаревшую археологическую литературу. Отсюда становится понятным резюме Будановой: «Вопрос об археологических материалах, которые можно было бы связать с готами, до настоящего времени остается дискуссионным» [там же, с. 20–21]. Однако к концу XX в. ни у кого из специалистов не было сомнений в том, что с вельбарской культурой связаны готы на их прародине в Польше, с памятниками типа Брест-Тришин – готы времени начала их миграции на юг, а с черняховской культурой – готы времени обретения ими южной причерноморской родины.

В. П. Буданова справедливо заметила, что готская проблема относится к тем темам, которые несут большую идеологическую нагрузку [там же, с. 47]. При ее изучении «всегда существовала опасность давления определенных мировоззренческих представлений на интерпретацию тех или иных событий» [там же, с. 15]. В этом смысле ее работа не стала исключением. Написанная в 1980-х гг., концептуально и методически она во многом еще была выполнена в духе отечественной исторической науки предшествующего этапа и таковой осталась даже во втором издании 1999 г. [97]. Отсюда заметная тенденция приуменьшить роль готов в истории нашей страны, как впрочем, и масштабы государства Эрманариха, а также устаревшая историческая терминология вроде «союза племен», никак не соответствующая характеру остроготской политики. Отсюда преобладание в книге анализа источников над их синтезом, что само по себе не может привести к конструктивным результатам в изучении того или иного исторического явления. Повидимому, не случайно исследовательница даже не попыталась рассмотреть вопрос о месте *regnum* Эрманариха в истории нашей страны, не говоря уже о его соотношении с раннесредневековыми варварскими королевствами готов в Западной Европе.

Книга В. П. Будановой показала, что в 80-е гг. XX в. изучать готскую проблематику лишь на осно-

ве анализа традиционных литературных источников – дело малопродуктивное. К этому времени стало очевидно, что не письменные, а археологические источники потенциально несут в себе информацию, позволяющую ученым по-новому взглянуть на старую проблему. Во всяком случае, они дают более надежное основание для реконструкции этно-политической ситуации на юге Восточной Европы в IV в. независимо от позднеантичной нарративной традиции.

Подведем итоги:

1. Если отечественная наука до 1917 г. в исследовании готской проблемы была частью международного научного сообщества, то с рубежа 1920–1930-х гг. советская наука встала на свой собственный путь ее изучения.

2. Был предложен новый, «революционный» подход к готской проблеме на основе «стадиальной теории» Н. Я. Марра. Но несмотря на разработанную В. И. Равдоникасом новаторскую программу изучения этой тематики на основе анализа археологических источников, стадиальный подход не способствовал ее решению, а наоборот, затормозил развитие исследований о готах в нашей стране.

3. В работах советских ученых готам отводилась небольшая территория в Приазовье и Крыму. В пылу борьбы с германской историографией и нацистской пропагандой уровень исторического и культурного развития готов стал сильно занижаться.

4. С 30-х гг. XX в. в советской историко-археологической литературе утверждается мнение о славянской принадлежности черняховской культуры, исключавшее какую-либо ее связь с готами и королевством Эрманариха.

5. Смягчение в стране внутривосточной обстановки и идеологического пресса с началом «хрущевской оттепели», а также пополнение источниковой базы положительно сказалось на изучении готской проблемы в нашей стране в 1960–1980-е гг. Этому в немалой степени способствовали следующие факторы:

– более благоприятные условия для научной работы историков и археологов по столь острой проблеме, как готская;

– критическое издание Е. Ч. Скржинской «Гетики» Иордана на русском языке и очевидные успехи археологов в изучении черняховской культуры;

– археологические открытия 1950–1970-х гг., подготовившие качественный скачок для последующей разработки готской проблемы;

– исчерпанность взгляда на королевство Эрманариха как на своего рода историографический миф в русле концепции Б. А. Рыбакова – В. П. Будановой. Он всё больше вступал в непримиримое противоречие с результатами независимого анализа как письмен-

ных, так и более умножающихся археологических источников;

– появление у отечественных исследователей различных взглядов на процесс формирования древностей черняховского типа, которые в большей или меньшей степени стали привлекаться при изучении комплекса вопросов, связанных с государством Эрманариха;

– впервые массовый археологический материал стал широко использоваться для изучения этнической принадлежности и оценки уровня исторического развития населения, входившего в «державу» Эрманариха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А. А. Готы в Крыму. Т. 1: Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов / А. А. Васильев // Известия РАИМК. – 1921. – № 26.
2. Schmidt A. V. Kaška. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung (3. – 4. Jh.) / A. V. Schmidt // Eurasia Septentrionalis Antiqua. – 1927. – № 1.
3. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе / Ю. В. Готье. – М.; Л., 1930.
4. Баран В. Д. Черняховская культура и готская проблема / В. Д. Баран, Е. Л. Гороховский, Б. В. Магомедов // Славяне и Русь (в зарубежной историографии) : сб. науч. трудов. – Киев, 1990.
5. Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм / В. М. Алпатов. – М., 1991.
6. Платонова Н. И. Панорама отечественной археологии на великом переломе / Н. И. Платонова // Археологические вести. – 2002. – № 9.
7. Марр Н. Я. Готское слово *guta* «муж» / Н. Я. Марр // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. – 1930.
8. Тункина И. В. Несколько штрихов к портрету В. И. Равдоникаса в 1920-е гг. / И. В. Тункина // Невский археолого-историографический сборник. – СПб., 2004.
9. Равдоникас В. И. Пещерный город Эски-Кермен. Готская проблема / В. И. Равдоникас // Вестник знания. – 1929. – № 7.
10. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья / В. И. Равдоникас // Известия ГАИМК. – 1932. – Т. 12, вып. 1–8.
11. Тункина И. В. К истории изучения «готской проблемы» в советской археологии 1920-х – начала 1930-х гг. / И. В. Тункина // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – М., 2008. – Т. III.
12. Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь / Б. А. Рыбаков // Вестник древней истории. – 1939. – № 1.
13. Рыбаков Б. А. Ранняя культура восточных славян / Б. А. Рыбаков // Исторический журнал. – 1943. – № 11/12.
14. Удальцов А. Д. Начальный период восточнославянского этногенеза / А. Д. Удальцов // Исторический журнал. – 1943. – № 11/12.
15. Державин Н. С. Происхождение русского народа. Великорусского, украинского, белорусского / Н. С. Державин. – 2-е изд. – М.; Минск, 2010.
16. Юрочкин В. Ю. Готия / В. Ю. Юрочкин // Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии. – Симферополь, 2004.
17. Артамонов М. И. Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси / М. И. Артамонов // КСИИМК. – 1940. – Вып. VI.
18. Смирнов А. П. [Рецензия] / А. П. Смирнов // Вестник древней истории. – 1938. – № 3. – (Рец. на кн.: Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. – М.; Л., 1937).
19. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б. В. Магомедов // Monumenta Studia Gothica. – Lublin, 2001. – Т. 1.
20. Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь / Б. А. Рыбаков // Вестник древней истории. – 1939. – № 1.
21. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1948.
22. Рыбаков Б. А. Предисловие / Б. А. Рыбаков // МИА. – 1960. – № 82.
23. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена / П. Н. Третьяков. – М., 1953.
24. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э. / А. М. Ременников. – М., 1954.
25. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. – 2-е изд. – СПб., 2000.
26. Скржинская Е. Ч. Комментарий / Е. Ч. Скржинская // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб., 2000.
27. Неусыхин А. И. [Рецензия] / А. И. Неусыхин // ВВ. – 1963. – Т. XXII. – (Рец. на кн.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960).
28. Голубева Л. А. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян / Л. А. Голубева // Сов. археология. – 1957. – № 4.
29. Артамонов М. И. Славяне и Русь / М. И. Артамонов // Тезисы докл. науч. сессии ЛГУ 1955–1956 гг. – Л., 1956.
30. Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология / М. И. Артамонов // Проблемы всеобщей истории. – Л., 1967.
31. Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении / М. И. Артамонов // Сов. археология. – 1990. – № 3.
32. Винокур И. С. Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры» / И. С. Винокур // КСИА. – 1984. – № 178.
33. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. / Г. Б. Федоров // МИА. – 1960. – № 89.

34. Петров В. П. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойки в 1900–1901 гг.) / В. П. Петров // МИА. – 1964. – № 116.
35. Баран В. Д. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин / В. Д. Баран. – Киев, 1961.
36. Брайчевський М. Ю. Походження Русі / М. Ю. Брайчевський. – Киев, 1968.
37. Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро–Дніпровського межиріччя II–V ст. н. е. / І. С. Винокур. – Киев, 1972.
38. Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э. А. Рикман. – М., 1975.
39. Тиханова М. А. О локальных вариантах черняховской культуры / М. А. Тиханова // Сов. археология. – 1957. – № 4.
40. Махно Є. В. Ягнятинська археологічна експедиція / Є. В. Махно // Археологические памятники УССР. – 1952. – Т. III.
41. Рикман Э. А. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху) / Э. А. Рикман // МИА. – 1960. – № 82.
42. Рикман Э. А. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа / Э. А. Рикман // Сов. археология. – 1962. – № 3.
43. Тиханова М. А. Раскопки поселения III–IV вв. н. э. у с. Лепесовка в 1957–1959 г. / М. А. Тиханова // Сов. археология. – 1963. – № 2.
44. Махно Е. В. Памятники черняховской культуры на территории УССР / Е. В. Махно // МИА. – 1960. – № 82.
45. Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності : Соціально-економічний розвиток черняхівських племен / М. Ю. Брайчевський. – Киев, 1964.
46. Брайчевський М. Ю. Антське царство. Конспект історії України / М. Ю. Брайчевський // Старожитності. – Киев, 1991. – Ч. 5.
47. Брайчевський М. Ю. Анти / М. Ю. Брайчевський // Брайчевський М. Ю. Вибрані твори. – Киев, 1999.
48. Брайчевський М. Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н. е. / М. Ю. Брайчевський // Археологія. – 1994. – № 3.
49. Петров В. П. Етногенез слов'ян / В. П. Петров. – Киев, 1972.
50. Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности / П. Н. Третьяков // МИА. – 1970. – № 179.
51. Третьяков П. Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен / П. Н. Третьяков. – М., 1958.
52. Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен / П. Н. Третьяков. – Л., 1982.
53. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР / В. В. Кропоткин // САИ. – 1961. – Вып. Г4–4.
54. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. / В. В. Кропоткин. – М., 1967.
55. Кропоткин В. В. Римские импортные изделия Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) / В. В. Кропоткин // САИ. – 1970. – Вып. Д1–27.
56. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987.
57. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.
58. Брайчевський М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевський. – Киев, 1989.
59. Зиньковская И. В. О regnum Эрманариха / И. В. Зиньковская // Норция. – Воронеж, 2009. – Вып. 6.
60. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян / В. В. Седов. – М., 1979.
61. Седов В. В. Славяне в древности / В. В. Седов. – М., 1994.
62. Седов В. В. Славяне в римское время / В. В. Седов. – М., 2003.
63. Седов В. В. Анты // Проблемы советской археологии / В. В. Седов. – М., 1978.
64. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М., 2002.
65. Кухаренко Ю. В. Могильник Брест-Тришин / Ю. В. Кухаренко. – М., 1980.
66. Тиханова М. А. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры / М. А. Тиханова // КСИА. – 1970. – № 121.
67. Баран В. Д. Черняхівська культура : За матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу / В. Д. Баран. – Киев, 1981.
68. Магомедов Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья / Б. В. Магомедов. – Киев, 1987.
69. Гудкова А. В. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. / А. В. Гудкова, М. М. Фокеев. – Киев, 1984.
70. Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. / И. А. Рафалович. – Кишинев, 1986.
71. Барцева Т. Б. Металл черняховской культуры / Т. Б. Барцева, Г. А. Вознесенская, Е. Н. Черных // МИА. – 1972. – № 187.
72. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы / А. А. Бобринский. – М., 1978.
73. Гороховский Е. Л. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Л. Гороховский. – Киев, 1988.
74. Сымонович Э. А. Погребальные обряды племен черняховской культуры / Э. А. Сымонович, Н. М. Кравченко // САИ. – 1983. – Вып. Д1–22.
75. Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры / Г. Ф. Никитина. – М., 1985.
76. Гей О. А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. А. Гей. – М., 1985.

77. Щукин М. Б. О трех датировках черняховской культуры / М. Б. Щукин // КСИА АН УССР. – 1967. – Вып. 112.

78. Щукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор / М. Б. Щукин // Сов. археология. – 1968. – № 2.

79. Щукин М. Б. Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы) / М. Б. Щукин // КСИА. – 1973. – № 133.

80. Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура / М. Б. Щукин // АСГЭ. – 1977. – Вып. 18.

81. Щукин М. Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры / М. Б. Щукин // КСИА. – 1979. – № 158.

82. Щукин М. Б. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций / М. Б. Щукин // АСГЭ. – 1976. – Вып. 20.

83. Корсунский А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до сер. VI в.) / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М., 1984.

84. Корсунский А. Р. О социальном строе вестготов в IV в. / А. Р. Корсунский // Вестник древней истории. – 1965. – № 3.

85. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе / Г. С. Лебедев. – Л., 1985.

86. Лебедев Г. С. Русь и чужь, варяги и готы (итоги и перспективы историко-археологического изучения славяно-скандинавских отношений в I тыс. н.э.) / Г. С. Лебедев // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. – Л., 1988. – Вып. 1.

87. Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы / В. Н. Топоров // Балтославянские исследования. – М., 1983.

88. Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М., 1990.

89. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М., 2000.

90. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе / Т. Н. Джаксон. – М., 1993.

91. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М., 1995.

92. Ulfilas Moeso-Gothorum Episcopus. Die Gotische Bibel / Hg. W. Streitberg. T. 2. Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch. – Heidelberg, 1928.

93. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – СПб., 2003.

94. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / отв. ред. В. Д. Баран. – Киев, 1990.

95. Щукин М. Б. О военных контактах между сарматами и германцами / М. Б. Щукин // Stratum plus. – 2011. – № 4.

96. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов / Т. Н. Высотская. – Киев, 1979.

97. Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М., 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РАИМК – Российская академия истории материальной культуры

САИ – Свод археологических источников

Воронежский государственный университет

Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: zinkovi@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University

Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the History of the Middle Ages and Foreign Slavic Studies Department

E-mail: zinkovi@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 224-75-14